

О Докторе

Мы знаем искреннее отношение Гаральда ко всему происходящему, и не от него самого, но из другого Источника. Не раз было повторено — «берегите Гаральда, охраните его». Знаю, что его нужно именно охранить, ибо он в своём рвении иногда не считается со своими возможностями. Пример мы имеем в его большой щедрости. Знаю также, что он слишком быстр в своих действиях и несдержан в выражениях. Но всё это искупается его редчайшим сердцем, незлобностью, честностью и замечательной чертой: он всегда ищет ошибку прежде всего в себе самом. ... Много людей, которые, как говорится, «мягко стелят, да жёстко спят», но Гаральд, именно, ценен тем, что действует как раз наоборот. ... Его стихия — огонь, и именно огненные люди отличаются жаждою деятельности.

Е. И. Рерих — Р. Рудзитису, 5. 3. 1940

Гаральд Лукин родился в 1906 году в семье видного врача Феликса Денисовича Лукина, впоследствии — основателя и первого председателя Латвийского общества имени Рериха, и известной писательницы Иванды Кайи (псевдоним Антонии Лукиной). Как и отец, он избирает для себя профессию врача, оканчивает лечебное отделение медицинского факультета Латвийского университета, работает ассистентом в рижской городской больнице. В 1934 г., после смерти отца, Гаральд по просьбе Н. К. Рериха пересылает в Институт гималайских исследований «Урусвати» копии рецептов и образцы гомеопатических лекарств, которые применял отец, а вслед за ним и сын, пошедший по его стопам. Вступив в 1935 г. в Латвийское общество имени Рериха, Гаральд Лукин вскоре становится секретарём Общества, поддерживает переписку с Е. И. и Н. К. Рерихами, а также их сыном Святославом, изучавшим лекарственные травы в Институте «Урусвати», член-корреспондентом которого в 1936 г. стал и Г. Лукин. Обширная частная практика Г. Ф. Лукина служит основным источником средств для печатания книг Учения Живой Этики и «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской на русском языке, художественной монографии «Рерих» и других изданий.

Е. И. Рерих очень высоко ценила «львиное настроение» Гаральда и любила приводить его действия в пример сотрудникам из других стран, особо отмечая при этом атмосферу единения, сложившуюся в Обществе при председательстве Рихарда Рудзитиса. За всё время лишь однажды, в 1939/40 г., между друзьями произошёл серьёзный конфликт, и оба переживали его очень тяжело. Разным оказалось их видение своей

ответственности в той сложнейшей переходной ситуации. Один стремился любой ценой исполнить Указания — надо было продемонстрировать лояльность Общества советскому режиму в условиях, когда готовилось возвращение Н. К. Рериха с семьёй на родину и (как можно теперь предполагать) приход Советов был предрешён. Другого мучила мысль, что возглавляемое им Общество и он сам могут быть восприняты в своей стране как предатели. С вводом в Латвию советских войск и ликвидацией Общества эти разногласия остались в прошлом.

В июне 1949 года Г. Ф. Лукин вместе с другими членами Общества был арестован и как «враг народа» приговорён к 25 годам лагерей. Пять лет он рубил уголь в шахтах Воркуты, год числился в зоне фельдшером и медбратом, выполняя работу врача-ординатора, затем был главврачом в лагере под Плесецком.

После реабилитации в мае 1956 года и возвращения из лагеря он, несмотря на угрозу повторного ареста, сразу же принимается разыскивать уцелевшие книги Учения и даёт их переписывать, чтобы у всех старых членов Общества, кто этого хотел, книги появились опять и Учение таким путём распространялось бы по Союзу.

Довольно скоро он возобновляет и свою врачебную практику, всё более и более углубляя свои познания в этой области и возвращая многим людям не только здоровье, но зачастую и жизнь. Десятилетиями целебные составы готовились и хранились на «конспиративных» квартирах, и эту самоотверженную деятельность Доктор (так называли его окружающие) продолжал до самых последних лет, пока позволяли силы. Получая из его рук бутылочки с целебными настоями, мог ли кто предполагать, с какими обстоятельствами сопряжено их изготовление?

Зная великое значение благодарности, Доктор, однако, не ждал её. Видя чью-то полезность для общего дела, он считал своим долгом поддерживать его, сам приезжал, передавал свои лекарства. При том что внутреннее настраивание на такую встречу и соблюдение на ней «дружеского протокола» требовали от него подчас невероятных усилий.

«Доктор был воплощением трёх вещей — искренности вообще, преданности Учению и любви к Учителю и Е. И. Можно описывать эти категории тысячью слов, но все слова, даже самые лучшие, — ничто в сравнении с воплощением этих качеств в жизни, непрерывно, каждый миг.

По линии Учения у него вообще ни с кем не было так называемых «личных» отношений. Он напрямую реагировал на любые отклонения от подлинного духа Учения, не взирая ни на какие общепринятые социальные, светские, личностные нормы общения.

В вещах, связанных с Учением, Доктор был бескомпромиссным; к тем, кто искренне старался удержаться на Пути, он был беспощадным.

Я никогда не встречал более „горячего“ человека, но и не знаю никого, к кому лучше бы относилась фраза из Агни-Йоги о том, что йог должен быть холоден, или что удел йога на Земле — одиночество».

Так написал недавно один из его ближайших сотрудников.

Его преклонение перед Е. И. Рерих, так же как и почитание Н. К. Рериха, было беспредельным. В эссе «Огонь, Огонь, Огонь» он называет их — Титаны нашего времени. Ему выпало счастье общаться с их старшим сыном Юрием, прожившим в Москве с 1957 по 1960 гг. Для Доктора, как и для других членов довоенного Общества, облик Юрия Николаевича с первой же встречи стал неотделим от облика любимых Водителей.

Каждый год с какой-нибудь экспедицией, а чаще в одиночку Доктор отправляется в горы — Памир, Тянь-Шань, Кавказ, Алтай, Саяны или в пустыни Средней Азии, где собирает травы для своих целебных тинктур. Новые составы он испытывал на себе, определяя таким путём верные сочетания и дозы, и лишь затем рекомендовал их своим пациентам. К концу жизни последствия этих опытов с их неизбежными передозировками сказывались на его организме особенно сильно; он знал это как никто, но никогда не сожалел.

В середине 1970-х он собрал вокруг себя группу ребят, среди которых были и те, с кем он знакомился в горах, и молодые рижане. Кого-то он буквально вырвал оттуда, где конец казался неминуем, и они привели за собой других. Встреча с ним и с Учением Живой Этики стала для них обретением подлинного смысла жизни. Опираясь на этот новый круг лиц, Г. Ф. Лукин по существу возродил издательство «Угунс». И снова, как в былые годы, он финансирует его деятельность, но уже в условиях «самиздата». Как и в 30-е гг., иногда бывали трогательные пожертвования от других старых членов Общества; конечно, они ни о чём не спрашивали, но с каким же чувством они брали в руки репринты «запрещённых» изданий и, конечно, распространяли их дальше.

Другим направлением был поиск, ксерокопирование, перепечатывание и приведение в систему сохранившихся материалов довоенного Общества, в результате чего появился машинописный том писем Е. И. Рерих в Ригу.

Наряду с этим Доктор поддерживает работы по переводу на русский, разумеется анонимному, основных теософских трудов, среди которых были: «Ключ к Теософии» Е. П. Блаватской, «Теософский словарь» (издающийся под её именем), сборник «Пять лет Теософии», «Письма Махатм» (новая редакция прежнего перевода) и некоторые другие.¹ В виде ксерокопированной машинописи, с издательским знаком «Угунса» на титульном листе, всё это также расходилось по Союзу.²

Сам Доктор изучал книги Учения Живой Этики постоянно. Перечитывая их опять и опять, он делал выписки в небольших записных книжках, которые можно было всегда носить с собой и, улучив минуту, запечатлеть в сознании эти огненные формулы. К письменным же

«продолжениям» или «толкованиям» Учения, получаемым «свыше», он относился столь же недвусмысленно, как и П. Ф. Беликов.³

Наряду с горами, важное место в его жизни занимало высокое искусство, и прежде всего живопись и музыка. Творения великих мастеров прошлого питали его дух, поддерживали, вливали новые силы. Как-то по особому близок был ему Бетховен — с его «Героической» симфонией и неудержимым восхождением к торжеству Братства человечества в апофеозе Девятой.

В конце 70-х и в 80-е годы Доктор задумывает и создаёт своими руками более пятнадцати художественных фотоальбомов с сотнями картин Николая Рериха. Находка поистине поразительная! Каждая встреча группы единомышленников в то время легко могла окончиться предъявлением официального обвинения в сектанстве. Однако такой «невинный» повод для встреч, как просмотр фотоальбомов и обсуждение их содержания, позволял всем приходившим чувствовать себя более спокойно. В эти альбомы Доктор вкладывал всю свою душу, и под их сенью происходило необходимое как воздух общение.⁴

Письма к нему шли ежедневно. Приезжали люди с разных концов страны. Его советами и помощью пользовались многие, кто позже писал о Н. К. Рерихе. Никогда не принимая на себя роль учителя, он ощущал свою личную ответственность за то, чтобы дело и имя Рерихов предстали перед молодым поколением неумалёнными, в подлинном величии их жизненного подвига.

Осенью 1989 года впервые на территории 1/6 части мира выходит не подпольное издание Учения — «Зов». Конечно же, по-русски: «В Новую Россию Моя первая весть». Издатель — возрождённое Латвийское общество Рериха («Угунс» ещё не зарегистрирован). Как же такое стало возможным?

Осень 1988 года. Г. Ф. Лукин фактически руководит его воссозданием. В Советском Союзе про общества с именем Рериха ещё не слышно, а «компетентные органы» уже осуществляют план, согласно которому *это* Общество не должно появиться никогда. Однако по неожиданному указанию 82-летнего Доктора инициативная группа была собрана молниеносно и сработала «на опережение». Те, кто думал привлечь его к созданию одноимённого общества во главе с известным в городе «востоковедом в штатском», оказались перед свершившимся фактом.⁵ Где-то в очередной раз просчитались по поводу Г. Ф. Лукина, очевидно не ведая, что 50 лет назад некий представитель уже передавал ему приглашение занять в Москве очень высокий пост на единственном условии — публично оговорить Н. К. Рериха. Тогда в ответ прозвучало: «Рерих научил нас любить Россию».

«Для этой Новой России и послужим» — писал Н. К. Рерих в 1923 году, но как же нелегко обретает она ощутимые черты...⁶

17 ноября 1988 г. Торжественное собрание посвящённое возобновлению деятельности Латвийского общества Рериха. На столиках — первый выпуск информационного листка «Угунс» с эмблемой издательства, на русском и на латышском языках.

Весь зал встаёт, приветствуя Знамя Мира и Культуры — Знамя общества, сохранённое несмотря на все аресты и преследования. Его вносит Гаральд Феликсович Лукин, истинный рыцарь Святого Грааля, заслуживший это право беззаветным служением общему благу на протяжении всей своей жизни.

После этого он прожил ещё два года. Держал в руках следующие выпуски листка, а затем и журнала. На его рабочем столе лежали новые издания «Зов» (1989), «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» (1990), «Озарение» (1990) Готовился выпуск журнала с названием «Свет Огня», когда, в январе 1991 года, земной срок Доктора истёк...

Кем же он был для пишущих эти строки?

Целитель духа и тела, ставивший диагноз, когда пришедший едва переступил порог и ещё не успел открыть рта. Земной Учитель, под рукой которого проходила незабываемая суровая и прекрасная школа учения. Любящий отец, заботившийся даже о «мелочах». Наивысший авторитет — до последнего часа.

Однако ни в его присутствии, ни без него такое никогда не произносилось: язык сердца не признаёт лишних слов.

Огненный дух из великой Цепи, свет которой с каждым годом проступает всё ярче и ярче.

Примечания

¹ С 1990 г. наши публикации этого направления выходят под маркой издательства «Лигатма».

² С начала 90-х всё это неоднократно издавали или переиздавали кто хотел (такое случается и сейчас), не упоминая об источнике и не запрашивая мнение «Угунса». Оно же таково, что эти машинописные тексты в небольшом числе копий выполняли своё назначение в условиях «самиздата», но для массового издания без существенной доработки не годятся.

³ См. письмо П. Ф. Беликова от 16. 6. 1977 г.: Непрерывное Восхождение. Т. 2. Ч. 2. М.: МЦР, 2003. С. 150–151.

⁴ Чаще всего такие встречи проходили у Меты Пормале (1897–1993) в её однокомнатной квартирке, которую Доктор время от времени превращал в фотолабораторию, а иногда у Лонии Андермане (см. её записки: Блокада), где не было даже телефона. Родные не разделяли его убеждений, и трудно сказать, сколько бы он вообще продержался без этих двух «прибежищ».

⁵ А ведь расчёт, казалось бы, безошибочный! Создавать параллельно действующее общество с именем Рериха (если б даже законом такое позволялось)

старые члены Общества никогда не стали бы. При жизни Н. К. и Е. И. Рерих такое было немислимо: это значило бы не только зафиксировать, но и сознательно углублять раскол.

⁶ Неудивительно, что непонимание, клевета и зависть, сопровождавшие Г. Ф. Лукина до последних дней, сопутствуют его имени и после его ухода, проявляясь подчас с самой неожиданной стороны. Конечно, справедливости ради нужно всегда помнить, что говорившие или писавшие о Докторе после 1956 г. могли судить о нём лишь по видимой им части того айсберга, который представляла собой его деятельность в этот период его жизни.

Сотрудники редакции

Первая публикация: Свет Огня. [№ 6]. Рига, 1994. С. 144.

© Угунс, 1994

© Угунс, 2004, с изменениями

© Угунс, 2005, с изменениями

Опубликовано на сайте: 7. 7. 2005